

УДК 81'27-116

DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-3-0-4

Садикова В.А.

ЯЗЫКОВАЯ ТОПОЛОГИЯ В ОБЩЕНИИ И ПОЗНАНИИ

Тверской государственной университет,
ул. Желябова 33, г. Тверь, 170100, Россия.
E-mail: vsadnik46@mail.ru ; va.sadikova@gmail.com

Статья поступила 21 июля 2018 г.; Принята 5 сентября 2018 г.; Опубликовано 30 сентября 2018 г.

Аннотация: В статье отстаивается необходимость целостного изучения языка в процессе общения, в динамике функционирования. С этой целью выдвигается гипотеза, что «корни» вербального языка лежат в невербальном языковом пространстве, совпадающим с ментальностью человеческого сознания. Это экспериенциальный аспект языка, для освоения которого нужны новые (или по-новому понимаемые) категории, обеспечивающие интегральный (универсалистский) подход к языку/речи и интеллекту/мышлению в бытии реального спонтанного общения. Предполагается, что топика, понимаемая как система структурно-смысловых моделей порождения коммуникативного смысла, представляет собой языковую топологию и может использоваться в качестве инструмента топологического анализа языка в коммуникации. Рассматриваются примеры функционирования топики в ситуациях реального спонтанного общения, доказывающаяся объяснительная природа топологического анализа.

Ключевые слова: контекст, дискурс, значение, смысл, опыт, коммуникация, топика как система структурно-смысловых моделей, языковая топология.

Valentina A. Sadikova

LANGUAGE TOPOLOGY AND COGNITION
IN COMMUNICATION

Tver State University,
33 Zhelyabov St., Tver, 170100, Russia.
E-mail: vsadnik46@mail.ru ; va.sadikova@gmail.com

Received 21 July 2018; Accepted 5 September 2018; Published 30 September 2018

Abstract. The article explains the need for a holistic study of the language in the process of communication and in the dynamics of its functioning. To this end, the author introduces a hypothesis that the "roots" of a verbal language lie in a non-verbal language space which coincides with the mentality of human consciousness. This is an experimental aspect of the language, and its development needs new (or understood from a new angle) categories, providing an integral (universalist) approach to language/speech and intelligence/thinking in real spontaneous communication. It is assumed that topica, understood as a system of structural-semantic models of generating communicative meaning, is a language topology and can be used as a tool for topological analysis of the language in communication. Examples of the functioning of topica in situations of real spontaneous

communication are considered, and the explanatory nature of topological analysis is proved.

Key words: context, discourse, value, meaning, experience, communication, Topeka as a system of structural-semantic models, language topology.

В новейших работах по когнитивной лингвистике выделяют две разновидности когнитивизма: *логический* (или объективистский), который «базируется на логико-понятийном, теоретическом моделировании связи языка и познания», и *экспериментальный*, «учитывающий особенности не только теоретического, но и обыденного познания», который «базируется не на логически выведенных правилах и характеристиках, а на опыте взаимодействия с окружающим миром». (Болдырев, 2016: 197). Второй подход Н.Н. Болдырев справедливо полагает более современным.

Поскольку «окружающий мир» для каждого из нас – это еще и другие люди, полагаем к «опыту взаимодействия» следует относить и коммуникацию, процесс общения как взаимодействия людей. Тогда актуальным становится не только знание, часто отождествляемое с передачей и получением информации, а *всё*, что актуально и важно для людей при общении: цели, отношения, оценки, ситуации и пр. Все это в процессе общения людей с людьми и миром находит выражение не только в словах и текстах, но и в невербальных средствах – просодиях, жестах, телодвижениях и т.д., которые важны не сами по себе, а потому что образуют **смысл**, благодаря которому мы друг друга понимаем и продуктивно взаимодействуем. Таким образом, язык – только *одно из средств общения, хотя и исключительно важное*. Другими словами, при когнитивном (экспериментальном) подходе язык нельзя отрывать как от того, ради чего он функционирует (от смысла), так и от естественной и первичной для языка «среды обитания» – от коммуникации, которая складывается не только из вербальных средств общения. При этом огромный пласт *смысла*

общения, не выраженный вербально, оказывается исключительно важным как в личностном, так и в социальном плане, поскольку общаются *целостные* личности, каждая – со своим опытом, характером, предпочтениями, целями, мотивами и т.д.

Целостность общающихся личностей ограничена только сиюминутной актуальностью, фокусом внимания общающихся, который все время перемещается, «плывет», движется. Это обстоятельство должно учитываться при динамическом (диалектическом) подходе к языку, который предполагается при экспериментальном анализе. Ни сугубо когнитивный, ни сугубо концептуальный подход этого не обеспечивают: если первый, «знаниевый», зачастую сводит знание к информации, то второй, как правило, связан с *понятием*, а по сути дела оперирует исключительно *словом*, хотя и широко понимаемым; строго говоря, это современная разновидность номинализма. То обстоятельство, что слово-понятие в этой разновидности когнитивной лингвистики заменено словом-концептом, ничего не меняет: количественно бесконечное число концептов не может дать качественно нового анализа языка и охватить *всё*, имеющее смысл при общении.

Один из основателей концептуального анализа в когнитивной лингвистике Дж. Лакофф правомерно полагает, что «концептуальная структура <...> возникает из нашего *доконцептуального* телесного опыта», что «концептуальные структуры существуют и понимаются, потому что доконцептуальные структуры существуют и понимаются» (Лакофф, 2011: 348). Таким образом, есть некий «доконцептуальный *телесный опыт*».

При антропологическом подходе, который исповедуется когнитологами всех

направлений, смысл не может, в свою очередь, отрываться и от *человеческого сознания*. Еще в 1994 году А.А. Кибрик пишет: «Сознание, согласно Чейфу, по своей природе фокусируется в каждый момент на каком-то фрагменте мира, и этот фокус постоянно перемещается» (Кибрик, 1994: 129). Эта динамика, это «перемещение сознания», и есть самое главное, что следует иметь в виду при привлечении к анализу *дискурса*, без которого сегодня трудно представить себе конструктивное изучение языка в действии, т. е. в общении (Садикова, 2016).

Конечно, «устный дискурс порождается не как плавный поток, а толчками, квантами», но эти «кванты» имеют структурно-смысловую, а не просодическую природу, учитывают *всё*, актуальное при общении. Это и значит опираться на дискурс, оперировать *дискурсом*, которым, как нам представляется, следует заменить понятие *контекста*, если мы хотим изучать язык в динамике, потому что при динамическом подходе к языку понятие контекста оказывается недостаточным: «Контекст – относительно законченный по смыслу отрывок текста или устной речи, в пределах которого наиболее точно и конкретно выявляется смысл и значение *отдельного входящего в него слова, фразы, совокупности фраз*. <…> В *дополнение к основному семантическому значению*, которым обладает слово или предложение, взятые сами по себе, контекст придает им *добавочное* значение, более того, он может существенно изменить это основное значение слов и предложений. Поэтому в разных контекстах слова и предложения могут приобретать различные значения» (Словарь логики, 2017). Это «добавочное» значение слов и предложений зачастую в реальном общении становится основным *смыслом*, который сегодня лингвистами не изучается. Кроме того смысл порой возникает, как говорят, «между строк», не заключен в словах и предложениях (или выражен не словами и предложениями).

В общении и познании функционируют единицы, которые органичны для *коммуникативного смысла*, не совпадающего со *значением*. Подробно см. в (Садикова, 2017: 30–36). Вероятно, следует прислушаться к философу: «С., в отличие от значений, всегда ситуативны, связаны с феноменальным процессом понимания, поэтому помимо нормативного содержания *З.*, они определяются множеством иных факторов: ситуацией, с которой связано понимание, самоопределением человека, его установками, ценностями и целями, знаниями, структурами деятельности и многим другим (Бабайцев, 1999: 629).

Недостаточность оперирования *значениями* наблюдают и лингвисты. Например, И.М. Кобозева, отмечая наличие двух концепций семантики – узкой и широкой, пишет: «Узкая концепция семантики делает своим предметом *значение* единиц языка и построенных из них языковых выражений. При широкой концепции семантики ее предметом, кроме того, является и *смысл* языковых выражений в конкретных условиях их употребления» (Кобозева, 2000: 14). Однако даже широко понимаемая семантика не может объяснить, почему на вопрос учителя «Где Вася Иванов?» вполне корректно ответить «Он заболел», хотя ответ «не содержит никакой информации о местонахождении Васи Иванова». И.М. Кобозева отмечает также, что в схему общепринятой уровневой организации языковой структуры и соответствующих дисциплин с её линейными единицами (фонема, морфема, слово, предложение) семантика не вписывается: «Если мы попытаемся вписать семантику в рамки данной схемы, то обнаружим, что нельзя просто достроить ее, добавив к иерархии единиц языка единицы какого-то дополнительного уровня. Ведь *все единицы, фигурирующие в нашей схеме, во-первых, имеют материальное воплощение, а во-вторых, в совокупности исчерпывают инвентарь*

единиц, которые образуются в результате членения текста на все более мелкие составляющие» (Кобозева, 2000: 17. Выделено мной. – В.С.). Правда, И.М. Кобозева полагает, что задачи, которые не решаются в рамках семантики, может решать прагматика. Думаем, что и прагматика не может объяснить корректность вопроса и ответа про Васю Иванова, потому что прагматика – формальная теория коммуникации, учитывающая только «правильные» с точки зрения классической грамматики и формальной логики вопросы и ответы, и которая охватывает далеко не все нюансы реального общения. Ей фактически не нужна реальная коммуникация, которая происходит каждодневно в нашей практике взаимодействия, а значит и *смысл* в прагматике на втором месте, после *текста*. А ведь мы общаемся не текстами, а смыслами.

Полагаем, что единицы, функционирующие на смысловом уровне, должны быть моделями-инвариантами, которые реализуются (воплощаются) только в реальной коммуникации. Но они тоже представляют собой «исчерпывающий инвентарь единиц», потому что только в этом случае вписываются в систему языка как его вершинная (или глубинная, инвариантная, универсальная, динамическая, диалектическая) составляющая.

Ю.С. Степанова также не вполне устраивал термин «прагматика». Он выявляет особую «координату языка», которую, видимо, полагает уточненной прагматикой, и предлагает заменить термин «прагматика» на «дектика»: «Все наталкивает на то, чтобы в названии этой координаты языка отразить ее главное свойство – отношение языка к говорящему, заключающееся в присвоении себе языка в момент – и на момент – речи. Для этой цели подходит греч. глагол (кот. означает) "принимаю, принимаю в себя, воспринимаю" и прилагательное от него – "могущий вместить или принять в себя, восприимчивый". Таким образом, назва-

нием всей координаты, всего данного измерения языка будет ДЕКТИКА» (Степанов, 1985: 224). Однако и сегодня эта идея не востребована, потому что, на наш взгляд, не связывается в исследовательском сознании с целостностью общающихся личностей, наиболее полно проявляющих себя в коммуникации.

А.А. Залевская не предлагает новый термин, но через все ее научное творчество проходит идея о том, что «язык – достояние человека» (Залевская, 2007), однако дальше констатации этого факта, который уже стал общим местом в языкознании, исследователи, ссылающиеся на работы А.А. Залевской, не идут, никаких конструктивных выводов не делают. А ведь это та же дектическая идея, совершенно правомерно исповедуемая психолингвистикой!

Нужны стабильные, но не статичные, не линейные, а объемные единицы – структурно-смысловые модели порождения коммуникативного смысла, которые позволяют изучать общение, в том числе и языковое, в процессе, в динамике, учитывая *всё*, актуальное в процессе этого общения и теснейшим образом связанное с мышлением, с познанием, а значит – со *смыслом*. Это интегральные модели-топы, потенциальные знаки, вершинные языковые и коммуникативные категории, которые обретают материальное воплощение только в процессе коммуникации и органично учитывают *всё*, актуальное в *каждый* её момент.

Топика – по большому счету – есть отражение в сознании людей *опыта человечества*. Это система базовых коммуникативных категорий, которая отвечает задачам органического объединения (синтеза) качеств, необходимых и достаточных для того, чтобы служить не только самой *практике* общения, но и *анализу* этой естественной практики общения людей. Эта система исчислима: ИМЯ, ОБЩЕЕ (АБСТРАКТНОЕ) и ЧАСТНОЕ (КОНКРЕТНОЕ), РОД и ВИД, ОПРЕДЕЛЕНИЕ, ЦЕЛОЕ и ЧАСТИ,

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА (места, времени, цели), СВОЙСТВА (ПРИЗНАКИ, КАЧЕСТВА), ДЕЙСТВИЕ и СТРАДАНИЕ (ПРЕТЕРПЕВАНИЕ, испытание воздействия), ПРИЧИНА и СЛЕДСТВИЕ, СРАВНЕНИЕ, СОПОСТАВЛЕНИЕ, ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ (ПРОТИВОПОЛОЖНОЕ), ПРИМЕР, СВИДЕТЕЛЬСТВО, СИМВОЛ. Обоснованность выявления этого списка представлена в (Садикова, 2009, 2015, 2016, 2017); качественная характеристика топов содержится в (Садикова, 2017: 36–122). В первом приближении необходимость и достаточность списка обусловлены степенью актуальности для общающихся в процессе естественной коммуникации. Полагаем, что эта система может использоваться в исследовании естественного спонтанного общения людей (вербального и невербального) в динамике и не формально, не линейно (по словам, предложениям, фразам, текстам), а в *смысловом* отношении. Каждый топ представляет собой гетерогенную модель порождения коммуникативного смысла, но они не изолированы друг от друга, а диалектически взаимодействуют и именно поэтому обеспечивают наше взаимодействие и взаимопонимание в процессе общения. Этот список исчислим как система базовых коммуникативных моделей, присущих *само* языку. Это структура ЯЗЫКОВОЙ топологии, которая и формирует тот доконцептуальный опыт, о котором говорит Дж. Лакофф. Нас ведь не удивляет исчислимость фонем (хотя это число и различно для разных языков и даже предполагается разным в разных фонологических школах); по некоторым данным *общих* для всех языков мира их 14. Это на наименьшем смысловом (смысло-различительном) уровне. Почему должно быть иначе на *вершинном* языковом уровне, если язык *система*?

Имея в виду систему структурно-смысловых моделей порождения коммуникативного смысла, легко объяснить вопрос-ответ про Васю

Иванова: если учитывать *все* обстоятельства общения, то «где» в данном конкретном случае вопрос не о месте нахождения, а о ПРИЧИНЕ отсутствия ученика на уроке. Ответ адекватен, потому что именно ПРИЧИНА отсутствия и названа!

В большинстве языковедческих работ явно декларируется или неявно предполагается, что язык начинается со слова, т.е. с имени. Да, *вербальный* язык начинается с ИМЕНИ, но чтобы приступить к его практическому освоению, ребенок должен приобрести собственный человеческий *опыт*. Другими словами, он должен понять, что можно не только *двигаться*, но активно и сознательно ДЕЙСТВОВАТЬ и испытывать ВОЗДЕЙСТВИЕ; что все имеет ПРИЧИНЫ и СЛЕДСТВИЯ; что окружающие предметы имеют СВОЙСТВА, ЧАСТИ и пр. Еще до того, когда ребенок научится *говорить* "нет", он уже умеет протестовать и быть не согласным, т.е. осваивает ПРОТИВОПОЛОЖНОЕ. Наконец, человек должен понять, что *все как-то называется*, т.е. быть готовым осваивать ИМЯ, а значит и собственно язык. Если язык есть отражение реальной действительности, то не только потому, что он называет отдельные предметы и явления, а потому что он отражает *отношения* между ними: ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ, СРАВНЕНИЕ, КАЧЕСТВА, РОДОВИДОВЫЕ *отношения*, ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫЕ *отношения* и т.д., которые первоначально и осваиваются человеком.

Существуют продуктивные попытки сформулировать основополагающие принципы когнитивной лингвистики, пригодные для всех её направлений: антропоцентрический принцип; холистический подход; невозможность адекватного анализа языка без привлечения экстралингвистической информации; функционализм, изучение языка в действии; установка на объяснение; максимальная открытость, «готовность инкорпорировать сведения из

различных областей знания» (Скребцова 2011: 29–30). Полагаем, при таком раскладе *смысл* и *дискурс* становятся ведущими категориями экспериенциального анализа, а *топика* как система структурно-смысловых моделей порождения коммуникативного смысла – главным инструментом при изучении языка в действии, т.е. в реальном спонтанном общении.

Но прежде чем топика сможет реально функционировать в языкознании как инструмент исследования, она должна быть осознана и признана как вершинная (и глубинная) полнота языка, как система ментального языка, как *языковая топология*.

• **ТОПОЛОГИЯ** (от др.-греч. τόπος – место и λόγος – слово, учение) – раздел математики, изучающий в самом общем виде явление *непрерывности*, в частности свойства *пространств*, которые остаются *неизменными* при непрерывных деформациях, например, *связность*, *ориентируемость*.

• **ТОПИКА** (греч. topos – место) – техника *пространственной* организации мышления и понимания, а также организованное на ее основе *мыслительное пространство* (Бабайцев, 1999).

Таким образом, изначально топология – понятие математическое, а топика, связывает идею пространственности с ментальной сферой человеческого сознания, в котором также обязательно присутствуют и *непрерывность*, и *связность*, и *ориентируемость*, наличие которых совершенно очевидно при общении, коммуникации, взаимодействии людей.

Понятие топологии давно используется специалистами и в других областях научного знания. Например, биолог Н.А. Бернштейн, разрабатывая концепцию физиологии активности на основе глубокого теоретического и эмпирического анализа *естественных движений* человека в норме и патологии, пишет: «Во всяком геометрическом образе мы можем

различать его топологию и его метрику. Топологией геометрического объекта я называю совокупность его качественных особенностей вне зависимости от его величины, формы, той или иной кривизны его очертаний и т.д. <...> Движения живых организмов в неменьшей мере <...> определяются именно топологическими категориями» (Бернштейн, 1980: 285).

Лингвист А.А. Леонтьев, в свою очередь, опирается не на математическую топологию, но исходит из идеи Бернштейна: «Лингвистическая релевантность элементов речевого высказывания есть категория **топологическая** в смысле Н.А. Бернштейна: для нас абсолютно не важна «метрика», неважно абсолютное тождество, скажем, слова, но зато важно сохранение его «схемы», которая может видоизменяться, оставаясь самой собой, и может наполняться разным содержанием» (Леонтьев, 2007: 31). Мы полагаем, что речь должна идти не только о слове, но о *смысле* как структурно-смысловой модели.

Психолог и философ Ж. Пиаже тоже говорит о схемах, но *действий*: «Сенсомоторный интеллект уже содержит некоторую логику – логику действия, когда нет еще ни мышления, ни представления, ни языка» (Пиаже, 2001: 144). Что же тогда *уже* есть? Не тот ли *доконцептуальный опыт*, о котором говорит Дж. Лакофф и который начинает приобретаться ребенком с первого момента рождения – просто потому, что *основания* для его приобретения заложены в человеческой природе?

Математик Р. Том первым попытался связать напрямую лингвистику и математическую топологию (Том, 1975). Эта попытка не была воспринята ни лингвистами, ни математиками. Попытки перенести математическую топологию в лингвистику и психолингвистику из математики, на наш взгляд, не могут увенчаться успехом по причинам, убедительно описанным А.Ф. Лосевым: «Основное зло заключается в том, что все эти физико-математические структуры

суть явления **одноплановые, незнаковые, некоммуникативные**» и т.д. (Лосев, 2010: 32; *выделено А.Ф. Лосевым*). Напрашивается вывод, что лингвистике нужны **многоплановые, знаковые, коммуникативные** структуры. Мы их видим в топике, понимаемой как система структурно-смысловых моделей порождения коммуникативного смысла. Ведь язык ничуть не менее сложен, гибок и универсален, чем математика.

Другим путем, не из математики, топология все-таки постепенно занимает свое законное место в филологических и лингвистических науках. *Филологическая топология* впервые появилась на страницах журнала «Вопросы языкознания» в 1979 году в статье О.С. Ахмановой и Л.В. Полубиченко. «Предмет её был определен как изучение филологического тождества/различия, инвариантности филологических объектов и методов её установления» (Полубиченко, 2017: 3). Филологическая топология сегодня – конструктивное направление, предлагающее единый (интегральный) подход к решению целого ряда задач, общих для языкознания и литературоведения. Это «широкий, как сегодня бы сказали, **лингвокультурологический** подход, требующий рассмотрения фактов языка в контексте филологической традиции и – еще шире – культуры говорящего на нем народа» (Там же). Однако сами авторы этого подхода, как и многие другие ученые-гуманитарии, полагают, что топология в гуманитарной сфере – это метафора и именно в таком, метафорическом, аспекте она используется и должна использоваться в гуманитарных науках. Более подробно см. в (Полубиченко, 2017: 3–29).

Мы утверждаем, что **язык топологичен по своей природе**, и топология может стать основой изучения языка в естественной для него среде обитания – в коммуникации. Только это должна быть не математическая топология и не только метафорическая топология,

которая правомерно и продуктивно охватывает всё новые филологические объекты, а **языковая** топология, топология не «вширь», а «вглубь», *топология самого языка, функционирующего в коммуникации*.

Топы дают целостное представление о **динамическом** мире – так, как он отражается в сознании Человека, во всем его дискретно-континуумном многообразии, тогда как во всех предшествующих парадигмах гипостазировался какой-то один аспект языка. Исследователи стремились выделить *однородные* единицы оперирования миром (общения с миром): всё есть слова, все есть предложения, все есть сложные синтаксические целые, все есть тексты, фреймы, скрипты, гештальты пр. Набор таких единиц, которые сегодня часто сводятся к концептам, с одной стороны, однороден, с другой стороны – бесконечен, т.е. бесконечно однообразен.

В разрозненном виде топы, как элементы отраженной в мышлении и языке картины мира, присутствуют не только в нашем обыденном мышлении и бытовом общении, но и в самых разных теориях самых разных наук. Например, гештальт-теория в психологии построена на соотношении *частей* и *целого*; разного рода телеологические теории – на *целевых* отношениях; теория фреймов основывается на *действии* и системе вопросов, построенной на той же топике, и т. д.

Однако в своей повседневной практике общения люди пользуются *всей* системой топов, начинают с неё (и посредством неё) осваивать мир и общаться. Привожу в пример одну бытовую ситуацию, высказывания четырехлетнего мальчика. Я наблюдала за ним в электричке. Мы проезжали мимо Московского моря. Мальчик смотрел в окно и... познавал мир: «Мама, почему море шатается?». Мама говорит по телефону и не обращает внимания на вопрос сына, но мальчик упорно его повторяет. Конечно, он неправильно говорит про море; море не шатается, оно волнуется, потому что дует ветер.

Вероятно мама, если бы услышала сына, так бы и исправила высказывание мальчика. Но мне, филологу, интересна сама его ошибка. Что видит и понимает мальчик? Море совершает какие-то *движения, действия*. Он еще не вполне понимает, как надо *назвать* эти ДЕЙСТВИЯ, но он хочет знать их ПРИЧИНУ. Поскольку мама не обращает на него внимания, он продолжает общаться с миром: «Мы едем. Деревья стоят. А море шатается...». Мальчик осваивает этот мир посредством структурно-смысловых моделей-топов – СОПОСТАВЛЕНИЕ, ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ, ДЕЙСТВИЕ. Его этому никто не учил. Он естественным образом их использует, потому что это наш естественный, прирожденный, человеческий способ познания мира и общения с ним. А еще он говорит: «Москва к нам приближается...». Тут мама его услышала и поправила: «Это не Москва к нам приближается, а мы приближаемся к Москве». А разве мальчик не прав? Москва тоже к нам приближается! Потом он поймет, что приближается тот, кто движется; город, как и деревья, стоит на месте. Но как важно правильно *объяснять* эти гениальные ошибки! Тогда нашей совершенно правомерной и необходимой нормативностью мы не отобьем у детей желание думать, т.е. сопоставлять, сравнивать, узнавать причины....

Отличия топологической (интегральной, универсалистской, диалектической) лингвистики от других лингвистических парадигм и теорий: исследование в ней направлено от «вершинных» языковых категорий-топов к конкретным объектам; единицы-топы интегральны и применимы *ко всему*, что связано со смыслом; эти единицы исчислимы, что делает анализ более точным и научно обоснованным; топика – как система структурно-смысловых моделей порождения коммуникативного смысла – гармонизирует общение и естественным образом вписывается в языковую систему, в свою очередь,

функционально обусловленную коммуникацией.

Таким образом, языковая топология может стать методологией *объяснительной* топологической лингвистики. Объектом исследования этой науки должна быть в первую очередь спонтанная коммуникация, *взаимодействие* в процессе коммуникации. Предметом исследования – язык во взаимодействии всех составляющих общения в процессе порождения смыслов и единстве со всеми другими средствами порождения смысла.

Список литературы

1. Бабайцев А.Ю. Смысл и значение // Новейший философский словарь. Сост. Грицанов А.А. Минск, 1999.
2. Бернштейн Н.А. Физиология движений и активность. М.: Наука, 1990. 496 с.
3. Болдырев Н.Н. Когнитивная лингвистика. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016. 251 с.
4. Залевская А.А. Введение в психолингвистику: Учебник. 2-е изд., исп. и доп. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. 560 с.
5. Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу// Вопросы языкознания №5, 1994. URL: http://ilingran.ru/kibrik/Vopr_jaz_kid.pdf. (дата обращения: 15.08.2016)
6. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: Учебное пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.
7. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. Кн. 1: Разум вне машины. / Пер. с англ. И.Б. шатуновского. М.: Гнозис, 2011. 512 с.
8. Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М.: КомКнига, 2007. 312 с.
9. Лосев А.Ф. Введение в общую теорию языковых моделей (1968). М. Едиториал УРСС, 2010. 296 с.
10. Пиаже Ж. Схемы действия и усвоение языка // Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. Изд.2-е, испр. и доп. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 144-148.
11. Полубиченко Л.В. Филологическая топология: теория и практика: Монография. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. 280 с.

12. Садикова В.А. Толика: история, теория, практика: Монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2009. 188 с.

13. Садикова В.А. Основные принципы топологического анализа в лингвистике // Вопросы филологии. 2015. № 4 (52). С. 11-15.

14. Садикова В.А. Дискурс. Диалектический подход к определению понятия // Современная коммуникативистика. 2016. № 5. Т. 5. С. 15-20.

15. Садикова В.А. Толика как система структурно-смысловых моделей порождения коммуникативного смысла: Монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2017. 164 с.

16. Скребцова Т.Г. Когнитивная лингвистика: Курс лекций. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. 256 с.

17. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка. М.: Наука, 1985. – 335 с.

18. Словарь логики, 2017. URL: <https://slovar.wikireading.ru/571789>. (дата обращения: 02.09.2018).

References

1. Babaitsev, A. Y. (1999), "Meaning and significance", *Noveishij filosofskiy slovar*, Minsk, Belarus. [in Russian].

2. Bernshtein, N. A. (1990), *Fiziologiya dvizheniy i aktivnost* [Physiology of movements and activity], Nauka, Moscow, USSR. [in Russian].

3. Boldyrev, N. N. (2016), *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics], Direkt-Media, Moscow, Russia. [in Russian].

4. Zalevskaya, A. A. (2007), *Vvedenie v psikholingvistiku: Uchebnyk* [Introduction to Psycholinguistics: A Textbook], 2nd ed., Rossijsky gosudarstvenny gumanitarny universitet, Moscow, Russia. [in Russian].

5. Kibrik, A. A. (1994), "Cognitive research on discourse", *Voprosy yazykoznanija*, 5, available at: http://ilingran.ru/kibrik/Vopr_jaz_kid.pdf. (Accessed 15 August 2016). [in Russian].

6. Kobozeva, I. M. (2000), *Lingvisticheskaya semantika: Uchebnoe posobie* [Linguistic semantics: Textbook], Editorial URSS, Moscow, Russia. [in Russian].

7. Lakoff, G. (2011), *Zhenshchiny, ogon i opasnye veshchi: Chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii. Kn. 1: Razum vne mashiny* [Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind], Translated by

I.B. Shatunovsky, I. B., Gnozis, Moscow, Russia. [in Russian].

8. Leontev, A. A. (2007), *Psikholingvisticheskie edinitzy i porozhdenie rechevogo vyskazyvaniya* [Psycholinguistic units and the generation of a speech utterance], KomKniga, Moscow, Russia. [in Russian].

9. Losev, A. F. (2010), *Vvedenie v obshchuyu teoriyu yazykovykh modeley* [Introduction to the General Theory of Language Models], Editorial URSS, Moscow, Russia. [in Russian].

10. Piazhe, Z. H. (2001), "Schemes of action and mastering of language", in Stepanov, Yu. S. (ed.) *Semiotika: Antologiya* [Semiotics: Anthology], 2nd ed., Akademicheskij proekt; Ekaterinburg: Delovaya kniga, Moscow, Russia, 144-148. [in Russian].

11. Polubichenko, L. V. (2017), *Filologicheskaya topologiya: teoriya i praktika: Monografiya* [Philological topology: theory and practice: Monograph], FLINTA: Nauka, Moscow, Russia. [in Russian].

12. Sadikova, V. A. (2009), *Topika: istoriya, teoriya, praktika: a monograph* [Topics: history, theory, practice: Monograph], Tverskoy gosudarstvenny universitet, Tver, Russia. [in Russian].

13. Sadikova, V. A. (2015), "Basic principles of topological analysis in linguistics", *Voprosy filologii*, 4 (52), 11-15. [in Russian].

14. Sadikova, V. A. (2016), "Discourse. Dialectical approach to the definition of the concept", *Sovremennaya kommunikativistika*, 5, 15-20. [in Russian].

15. Sadikova, V. A. (2017), *Topika kak sistema strukturno-smyslovykh modeley porozhdeniya kommunikativnogo smysla: a monograph* [Topics as a system of structural-semantic models of the generation of communicative meaning: Monograph], Tverskoy gosudarstvenny universitet, Tver, Russia. [in Russian].

16. Skrebtsova, T. G. (2011), *Kognitivnaya lingvistika: Kurs lektsiy* [Cognitive Linguistics: Course of Lectures], Filologicheskij fakultet SPbGU, Saint Petersburg, Russia. [in Russian].

17. Stepanov, Yu. S. (1985), *V trekhmernom prostranstve yazyka* [In the three-dimensional space of a language], Nauka, Moscow, Russia. [in Russian].

18. Slovar logiki (2017), available at: <https://slovar.wikireading.ru/571789> (Accessed 02 September 2018). [in Russian].

*Конфликты интересов: у авторов нет
конфликта интересов для декларации.*

*Conflicts of Interest: the authors have no
conflict of interest to declare.*

Садикова Валентина Алексеевна,
кандидат филологических наук, преподаватель,
Тверской государственный университет.

Valentina A. Sadikova, PhD in Philology,
lecturer, Tver State University.